

МОТИВ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦЫ В ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ МОЛОДОГО К.С. АКСАКОВА

М.Д. Кузьмина

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия; Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
mdkuzmina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению мотива пересечения границы между «своим» и «чужим» пространством в путевых письмах К.С. Аксакова 1838 г. В июне 1838 г. Аксаков впервые далеко и надолго уехал из родительского дома — отправился в европейское путешествие. Поводом послужила тяжелая душевная травма, нанесенная ему петербургскими родственниками — «дядюшкой» и «тетушкой», Г.И. и Н.Т. Карташевскими, выступившими категорически против его сближения с их дочерью Марией. Посетив Петербург по пути на Запад и увидевшись там с родными, Аксаков поехал дальше, глубоко опечаленный и под сильным впечатлением от свидания с кузиной после почти двухлетней разлуки; к русско-европейской границе он приблизился в состоянии глубокой рефлексии, едва замечая что-либо вокруг. Но затем он как бы прозревает, вдруг осознает, что покинул «свой» мир и оказался в «чужом»: актуализируются мифопоэтические, архетипические представления о «своем» и «чужом» пространстве, в соответствии с которыми последнее мыслится как неправильное, пугающее «не-пространство» хаоса, противоположное «своему» «космосу». Аксаков быстро преодолевает ситуацию границы, символически умирает и оживает, проходит обряд инициации: «узнает» и принимает «свою» Европу. Однако образ Европы у Аксакова избирателен, локален: узнавая «свою» Европу, он дистанцируется от «чужой», принципиально сохраняя статус путешественника.

Ключевые слова: К.С. Аксаков; путевые письма; путешествие в Европу 1838 г.; мотив пересечения границы; мифопоэтика; архетип; «свое» и «чужое» пространство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-14

Для цитирования: Кузьмина М.Д. Мотив пересечения границы в путевых письмах молодого К.С. Аксакова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 182–191.

THE MOTIVE OF BORDER CROSSING IN THE TRAVEL LETTERS OF THE YOUNG K.S. AKSAKOV

M.D. Kuzmina

Higher School of Printing and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Herzen University, St. Petersburg, Russia; mdkuzmina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the motive of crossing the border between “one’s own” and “foreign” space in the travel letters of K.S. Aksakov in 1838. In June of this year, for the first time, he left his parental home for a long time and went on a European trip. The reason was the severe mental trauma inflicted on him by his St. Petersburg relatives — “uncle” and “aunt”, G.I. and N.T. Kartashevsky, who spoke out categorically against his rapprochement with their daughter Maria, who took possession of his heart. Having visited the Northern capital on the way to the West, having seen his relatives there, Aksakov could not solve the problem and drove on, on the one hand, deeply saddened, on the other, strongly impressed by the meeting and communication with his cousin after almost two years of separation. So, he approached the Russian-European border in a state of deep reflection, hardly noticing anything around. But, approaching the border and moving across it, he realizes that he has left “his” world and ended up in a “foreign” one. Under his pen, mythopoetic, archetypal ideas about “his” and “foreign” space are actualized with unprecedented force, so that the latter is conceived as an incorrect, frightening “non-space” of chaos, opposite to “his” “cosmos”. But the young man quickly enough overcomes the situation of the border, symbolically dies and comes to life, passes the rite of initiation. He “recognizes” and accepts “his” Europe. However, her image is selective, local. Recognizing “his” Europe, he distances himself from the “foreign” one, while fundamentally maintaining the status of a traveler.

Keywords: K.S. Aksakov; travel letters; travel to Europe in 1838; motive of crossing the border; mythopoetics; archetype; “own” and “foreign” space

For citation: Kuzmina M.D. (2024) The Motive of Border Crossing in the Travel Letters of the Young K.S. Aksakov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 182–191.

В июне 1838 г. первенец и любимец С.Т. и О.С. Аксаковых Константин отправился в европейское путешествие, решившись на продолжительную разлуку с семьей. Поводом послужила душевная травма, нанесенная ему петербургскими родственниками — Г.И. и Н.Т. Карташевскими, родителями завладевшей его сердцем двоюродной сестры Марии, которые выступили категорически против ее сближения с Аксаковым. Путь юноши лежал через Северную столицу, где он провел несколько дней в сильнейших переживаниях — потрясения, радости, грусти, надежды, разочарования. Расставшись с «милой Машенькой», как он ее называл, Аксаков в состоянии глубокой печали покинул Россию. Свои состояния он раскрывал в письмах к родителям, по которым тосковал.

Неудивительно, что эти письма, особенно первые, исповедальны, лиричны, элегичны. В основе их сюжета лежит минорная рефлексия. Именно она выступает в роли характерной для элегии «генерализирующей», «всеобъемлющей эмоции» [Грехнев 1985: 136]. Лейтмотивы этой рефлексии — воспоминание и грусть. Аксаков признается: «...путешествие не может иметь на меня сильного впечатления, я слишком теперь в себе, чтоб мог замечать все внешние достопримечательности» [Аксаков 1898: 1, 78]. В какой-то момент с удивлением и неудовольствием обнаруживает: «...вокруг меня <...> немецкие лица и глупые чухонские рожи» [Аксаков 1898: 1, 75], «Дома, люди, язык — все чужое» [Аксаков 1898: 1, 77], — и возвращается в состояние самососредоточенности.

«Переломными» стали рижские письма от 19 и 20 июня 1838 г., в которых автор, наконец, осознает: «Я еще почти не описывал вам своего путешествия с внешней стороны, милые дражайшие родители...» [Аксаков 1898: 1, 78]. С этого момента путешествие медленно и трудно, исподволь (характерны, например, строки письма от 20 июня: «Написал вам сколько мог больше внешних моих дорожных приключений, и, признаюсь, мне гораздо приятнее писать просто к вам, что на душе у меня» [Аксаков 1898: 1, 83]) вытесняет элегическую рефлексия, все более властно утверждаются черты травелога. Они вступают в свои права начиная с писем от 22 и 23 июня, созданных в Тильзите и Кенигсберге.

Особую роль в переходе от лирико-психологической дневниковой прозы к путевому дневнику сыграла граница. Приближение к ней и переход через нее актуализировали архетипические представления о «своем» и «чужом» мире. Семиотически сверхзначимая точка в пространстве, она их на мгновение непостижимо соединяет — и одновременно разводит. Современный исследователь справедливо замечает: «Граница — <...> напряженный, конфликтный, чреватый внезапными встречами и неожиданными поворотами судьбы участок символического пространства... место наибольшего удаления от центра “своего” мира... где “свой”, защитные силы, ценности, святыни утрачивают (или, по крайней мере, уменьшают) свое благое воздействие... территория, от которой начинается “чужое” пространство, его законы и воздействующие силы... до границы человека как бы оберегает само окружающее мироздание... “за границей”... человек ощущает себя не просто социально или этнически, но и космически одиноким, среди “не своей” природы, “не своего” бытия» [Рычкова 2008: 44–45]. Еще В.Н. Топоров писал: «При переходе к новому пространству человек оказывается лишенным <...> прежней неосознаваемой опоры в виде старого пространства с его свойствами, и его охватывает... шопенгауэровски-ницшеанский

ужас» [Топоров 1983: 243]. Аксаков на бессознательном уровне впитал эти мифопоэтические представления.

Достигнув границы, юноша в первых же строках тильзитского и кенигсбергского писем избыточно-тавтологично это акцентирует, остро переживая. «Вот я в Пруссии, в Тильзите...» [Аксаков 1898: 2, 182], — говорит он дважды об одном и том же (достаточно было бы сказать: «в Тильзите»). И вслед за тем еще трижды: «...я уже в Кенигсберге <...>, я в самом деле за границей, в Пруссии» [Аксаков 1898: 2, 185], как будто никак не может осознать и уверяет себя и своих адресатов, что действительно пересек границу. К концу тильзитского письма он выскажет родителям: «...мне совсем уже не кажется так страшным ездить по чужим землям» [Аксаков 1898: 2, 192], — проговорившись, что ему было страшно. Это признание вкупе с актуализируемыми мифопоэтическими представлениями заставляет понимать выражение «чужие земли» под его пером не только как общепринятое в XIX в. по отношению к не-России, главным образом, к Европе¹, но и в его исконном смысле. Исходной антитезой для «своего» и «чужого» в мифопоэтическом сознании были, как известно, «космос» и «хаос». Первому, «организованному», «освоенному», «правильному» пространству противопоставлялось второе как «не-пространство», «не-норма», нечто неведомое и пугающее (см. подробнее, напр.: [Топоров 1992: 340]). Ю.М. Лотман ввел в научный обиход термин «их-пространство» [Лотман 2004: 257], аутентичный, как очевидно, для характеристики более поздней эпохи цивилизации, когда мир делится не на «пространство»-космос и «не-пространство»-хаос, а на «свое» и «их-пространство» (другого народа). Думается, для Аксакова на образ «их-пространства» накладывался архетипический образ «не-пространства», вследствие чего путешественник так остро переживал пересечение границы.

Выступив в путь, Аксаков символически, на архетипическом уровне, не принадлежал ни тому, ни другому. Дорога — это сама по себе граница, «напряженная», маргинальная часть пространства, <...> связанная и со своим, и с чужим миром» [Байбурин 1990: 11], «пространственная модель небытия» [Щепанская 2003: 41]. Пограничность положения и символическая временная непричастность ни к «своему», ни к «чужому» миру заставляет Аксакова напряженно думать о «чужом» и «своем».

В соответствии с архаичной традицией, «свое» в сознании Аксакова предстает, во-первых, «заполненным» «мифологизированными

¹ Этим выражением изобилуют тексты и Аксакова, и его современников: «Чужие в географическом плане, европейские края были, как правило, своими в интеллектуальном и культурном отношении для молодых людей, отправляющихся на Запад» [Анненкова 2018: 66]).

объектами» [Топоров 1992: 341], в роли каковых выступают родители и вся семья, «милая Машенька», дома, города — Москва и Петербург (ср.: «Часто вспоминаю я об вас, о Москве, о России...» [Аксаков 1898: 2, 185], «...к России прикованы эти воспоминания; они там, около вас, милые дражайшие родители мои, они также <...> около Петербурга...» [Аксаков 1898: 2, 187]), а во-вторых — предстает «организованным, расчлененным», состоящим из центра, отмеченного «высшей персонифицированной сакральной ценностью», и периферии [Топоров 1992: 341]². В роли центра, несомненно, выступает дом, место пребывания семьи, вне которой он не мыслит себя. В 1836 г. в письме к братьям Григорию и Ивану Константин раскрыл свое понимание семьи как сверхценности, чего-то сакрального, связанного не только кровно, но и духовно, и отгороженного от внешнего мира, — что им, братьям-мужчинам, надлежит беречь и по-рыцарски защищать [Аксаков 1837]. Нельзя не согласиться с суждением В.А. Котельникова: «Константина Аксакова “свое” в значительной степени поглотило. Безусловно первичным “своим” для него были семья с ее патриархальным укладом, дом, окружающие его природа и крестьянство <...> он постепенно раздвигал его границы — но при этом расширяемое “свое” сохраняло у него первоначальную “родственную” конфигурацию» [Котельников 2017: 22–23]. «Расчленяя» и «организуя» «свое» пространство, Аксаков его действительно последовательно расширяет, причем не только с течением жизни, как заметил В.А. Котельников, но и в ходе путешествия 1838 г. Юноша «осваивает» все больший диапазон: семья / дом — Москва (параллельный, желательный для него на тот момент ряд: «Машенька» / ее дом — Петербург) — Россия, — и тем самым вновь подсознательно актуализирует мифопоэтическую традицию, в соответствии с которой «...границы расходятся от человека концентрически, все большими и большими кругами» [Рычкова 2008: 45].

При всем том, тема России в «пограничных» письмах Аксакова осмыслиется прежде всего на личном уровне, от которого он выходит к общему. Русское дорого, главным образом, постольку, поскольку связано с прошлым, родителями, семьей, домом, детством и юностью, наконец с «Машенькой». Аксаков актуализирует ностальгический лейтмотив прощания, многократно повторяя ключевое — «последний раз»: «Я спросил, нельзя ли здесь <в Тильзите. — М. К.> найти русских щей <...>. Желая в последний раз найти нашей вкусной похлебки, я отправился немедленно...» [Аксаков 1898: 2, 186], «Тут-то в последний раз я увидел нашу заставу, и мне стало грустно

² Его «типовая схема: своя страна → город → его центр → храм → алтарь → жертва...» [Топоров 1983: 255].

<...>; тут-то в последний раз взял у меня паспорт русский солдат; в последний раз видел я герб моего отечества, конец России! Прости!» [Аксаков 1898: 2, 189]. Думается, автор этих строк вдвойне переживал, полагая, что, лишив его «милрой Машеньки», судьба лишила его и семьи, и отечества.

«Чужое», на эмпирическом же уровне, вызывало неприятие — как неравноценная замена того, что незаменимо; как нечто, не находящее отклика в душе, не соответствующее воспоминаниям и мечтам, — следовательно, как нечто неправильное, некая антинорма, хотя иногда и очень похожая на «норму» «своего» пространства, притворяющаяся ею. Таким образом вновь актуализировались мифопоэтические представления. «В Риге провел я время очень скучно, тесный коридор, на улицах нельзя почти разъехаться двум экипажам, а в переулках и один едва ли проедет; дома высокие: на небо смотришь, как в щель, — все это тяжело-неприятно» [Аксаков 1898: 2, 186], «Мне дали телегу совершенно другого устройства; на лошадях совершенно другая упряжь. Мы поехали, и я радовался, как ребенок <...>; но скоро плохая езда напомнила мне, что немец, а не русский сидит на козлах» [Аксаков 1898: 2, 189], «Вода здесь совершенно желтая... В дороге от Петербурга мне всегда было досадно, когда чухонец просил на водку; вы не можете себе представить, <...> как это даже отвратительно, когда эта глупая рожа скорчит еще жалко-нежную гримасу и скажет: “Шнапсу”. Мне всегда гадко становилось. В русском ямщике я вижу жизнь, движение, он хочет погулять, но когда это холодное, безжизненное творение туда же захочет выпить, то это у него не избыток жизни <...>, а насильственное раздражение» [Аксаков 1898: 2, 191]. От неприятия «чужого» на эмоциональном (и подсознательном) уровне эпистолограф делает пока еще робкие шаги в область анализа. Он начинает задаваться вопросами, что именно в том «иномирии», в которое он попал, ему не нравится и почему, а одновременно задаваться и вопросами о «своем» мире, о России. В эпистолярной путешественника начнут исподволь зреть историософские воззрения, которые составят основу его славянофильской концепции.

Пока же, в «пограничных» письмах, Аксаков переживал инородность Европы — себе и себя — ей. Очень характерен его лаконичный автопортрет: «...многие останавливались поглядеть на необыкновенный мой картуз и на необыкновенную мою в нем фигуру» [Аксаков 1898: 2, 189]. Аксаков опять прибег к приему удвоения посредством повтора, за счет чего тавтологично акцентировал свою непринадлежность к европейскому «иномиру», которой, очевидно, дорожил. Тем самым он сохранял верность себе, воспоминаниям и мечтам, и нес в «чужой» и «неправильный» мир частичку «своего»,

репрезентировавшую всю его полноту. Симптоматично, что акцентируются именно детали одежды: она «...во все времена носила знаковый характер» [Рычкова 2008: 45], «...сохраняла старый статус человека... снять с себя одежду означало “снять”, упразднить границу, ее охранительную власть и отдать себя на волю “чужих” начал и стихий» [Беднягина 2011: 41].

Преодолев границу, выступившую «...напряженным, конфликтным <...> участком символического пространства», — Аксаков преодолел и своего рода кризис, после чего, очень быстро, его отношения с Европой выравниваются. Это видно уже по письму от 24 июня. На первый взгляд, начиная его, автор непостижимо «топчется на месте», «жует» тему двух предыдущих писем: «...[Я] в Кенигсберге...» [Аксаков 1898: 2, 192], — пишет он в очередной раз. В действительности же хотя он и сообщает о том же, но принципиально иначе. Тревога, страх, удивление, связанные с пересечением границы, остались в прошлом. Путешественник как будто символически умер³ и ожил, прошел обряд инициации (издавна, уже в фольклорных сюжетах, связанный с мотивом пути-дороги; эта связь сохранялась в современной Аксакову прозе [см., напр.: Меркулова 2007: 13–20; Островская 2018]). Развивается архетипический циклический сюжет (по классической схеме «потеря — поиск — обретение», или «уход — поиск — возвращение»), в традициях которого ситуация пересечения границы между «своим» и «чужим» завершается «ее преодолением» через «смерть-воскресение героя», что составляет «семантическое ядро» сюжета [Тамарченко 2008: 293].

Преодолев границу, Аксаков как будто не помнит, что писал в «пограничном» состоянии. Придя в себя, он изъясняется рассудительно и спокойно-радостно, приняв и тот факт, что находится за границей, и саму за границу: «...[П]риехал я в Кенигсберг, мои милые дражайшие родители, — сообщает эпистолограф и произносит далее очень характерные слова. — Это был первый немецкий город, который подействовал на меня не одною своею наружностью» [Аксаков 1898: 2, 192]. Аксаков очень точен. Он в самом деле отныне судит не по «одной <...> наружности». С этого момента Европа, «чужая в географическом плане» (Е.И. Анненкова), оказывается для него «своей» — он находит то «свое» немецкое, что знал и любил, чем восхищался с юных лет. Прежде всего это память о средневековом рыцарстве и любимые писатели — Шиллер и Гофман.

³ Отметим, что дорога — «пространственная модель небытия», Т.Б. Щепанская указывает: «Эта символика вполне последовательно реализуется в обрядах и верованиях, где небытие понимается как физическое, т. е. смерть», в том числе в фольклоре [Щепанская 2003: 41].

Изучая древние ритуалы через призму архетипических представлений о «своем» и «чужом», А.К. Байбурин сделал верное наблюдение: «Чужое начинается там, где кончается свое, и эта граница путешествует вместе с человеком» [Байбурин 1990: 9]. Оно справедливо и «наоборот»: свое начинается там, где кончается чужое. Корреспонденции Аксакова это в полной мере подтверждают. Неудивительно, что он так быстро преодолел ситуацию границы.

Симптоматично, что вскоре по прибытии на Запад и на всем протяжении путешествия Аксаков покупает либо берет напрокат местную одежду, что на мифопоэтическом уровне знаменует ассимиляцию с «его» Европой. Переодеваясь, он руководствуется, во-первых, своими желаниями и потребностями, во-вторых, соображениями удобства, в-третьих, расчетом («Здесь куплю я себе шляпу, которая поедет со мною всюду» [Аксаков 1898: 3, 277], «...накануне купил я себе род блузы, довольно красивой, и дубовую палку» [Аксаков 1898: 5, 171], «...вчера заказал я себе платье <...> купил <...> рубашку» [Аксаков 1898: 12, 216]), в-четвертых, требованиями приличий, традициями («Я бранил себя, что не взял с собою <в Дрезден. — М. К.> другого платья и шляпы; в такой фуражке неловко было ходить по городу; наш государь и прусский были здесь; итак, я взял напрокат шляпу...» [Аксаков 1898: 5, 183]), — точно так же, как делал бы и в России. Примечательно, что Аксаков полностью не переоделся, — предметы гардероба обновлялись по мере необходимости, как, опять же, происходило бы в «своем» пространстве.

При всем том символично, что таким образом составленный симбиоз в одежде (в одной части — привезенной из России, в другой — приобретенной в Германии) сигнализировал не только о том, что обладатель этой одежды «свой» в обеих странах, в едином для него русско-европейском пространстве, но и о том, что он не вполне «свой» в Европе, где пребывает в положении путешественника. Он и обновляет гардероб в соответствии именно с этим статусом, обращая внимание, во-первых, на вещи, необходимые в дороге (платье, блуза, шляпа), во-вторых — на те, которые по фасону, цене, качеству менее доступны либо вовсе недоступны ему в России; их, следовательно, нужно приобрести за границей, как и поступил бы на его месте практически каждый путешественник.

Статусом путешественника Аксаков, как очевидно, дорожил. Он «узнал» очень локальную часть Европы как «свою» и принципиально отстранялся от «чужой», остававшейся им непринятой. Граница между Россией и миром Запада, соответственно, была преодолена не до конца, что, с одной стороны, не мешало комфортному пребыванию на Западе, духовно-нравственному взаимодействию с ним, с другой — ускорило возвращение в Россию и обращение к славянофильству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К.С. Письма из-за границы в 1838 году. (Предисл. и примеч. Г.М. Князева) // *Космополис*. 1898. № 1. С. 72–83; № 2. С. 185–195; № 3. С. 271–287; № 4. С. 74–88; № 5. С. 170–186; № 6. С. 269–280; № 7. С. 70–89; № 8. С. 144–157; № 9. С. 242–256; № 10. С. 58–76; № 11. С. 146–155; № 12. С. 204–228.
2. Аксаков К.С. Письмо к Г.С. Аксакову от 1837 г. // *ОР РГБ*. Ф. 3, к. 2, ед. хр. 26. Л. 2–2 об.
3. Анненкова Е.И. Константин Аксаков. Веселье духа. СПб., 2018.
4. Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // *Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры*. Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 3–17.
5. Беднягина Т.В. Мифопоэтические истоки пространственной организации Жития Марии Египетской // *Современная филология: Материалы Международ. заоч. науч. конф.* (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа, 2011. С. 37–44.
6. Грехнев В.А. Лирика Пушкина. О поэтике жанров. Горький, 1985.
7. Котельников В.А. К.С. Аксаков между «своим» и «чужим» // *Русская литература*. 2017. № 1. С. 21–46.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. *Семиосфера*. СПб., 2000. С. 250–390.
9. Меркулова И.И. Хронотоп дороги в русской прозе 1830–1840-х годов. Автореф. дис. ... канд. филол. н. Самара, 2007.
10. Островская К.З. Концепт *путь-дорога* как эквивалент концепта *испытание* в концептосфере народной волшебной сказки // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2018. № 12 (90). Ч. 3. С. 579–583.
11. Рычкова Е.В. Символика пространства в диалоге мифа и литературы. Курган, 2008.
12. Тамарченко Н.Д. Циклический сюжет // *Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий*. М., 2008. С. 293.
13. Топоров В.Н. Пространство // *Мифы народов мира: Энциклопедия*: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 340–342.
14. Топоров В.Н. Пространство и текст // *Текст: семантика и структура*. М., 1983. С. 227–284.
15. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

REFERENCES

1. Aksakov K.S. Pis'ma iz-za granicy v 1838 godu (Predisl. i primech. G.M. Knyazeva) [Letters from Abroad in 1838. Ed. by G. Knyazev]. *Kosmopolis*. 1898. No. 1, pp. 72–83; no. 2, pp. 185–195; no. 3, pp. 271–287; no. 4, pp. 74–88; no. 5, pp. 170–186; no. 6, pp. 269–280; no. 7, pp. 70–89; no. 8, pp. 144–157; no. 9, pp. 242–256; no. 10, pp. 58–76; no. 11, pp. 146–155; no. 12, pp. 204–228. (In Russ.)
2. Aksakov K.S. *Pis'mo k G.S. Aksakovu 1837 g.* [The Letter to G.S. Aksakov, 1837]. Russian State Library, Collection of Manuscripts. F. 3, k. 2, no. 26. L. 2-2 reverse. (In Russ.)
3. Annenkova E.I. *Konstantin Aksakov. Vesel'e duha* [Konstantin Aksakov. Joy of the Spirit]. St. Petersburg, *Rostok Publ.*, 2018. 328 p. (In Russ.)
4. Bajburin A.K. Ritual: svoe i chuzhoe [Ritual: Native and Alien]. In: *Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstrukcii faktov tradicionnoj kul'tury*. Sb. nach. tr. [Folklore and Ethnography. Problems of Reconstruction of the Facts of Traditional Culture]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1990, pp. 3–17. (In Russ.)
5. Bednyagina T.V. Mifopoeticheskie istoki prostranstvennoj organizacii Zhitiya Marii Egipetskoj [Mythopoetic Origins of the Spatial Organization in *The Life of Mary of*

- Egypt*. In: *Sovremennaya filologiya: Materialy Mezhdunar. zaoch. nauch. konf.* (Ufa, april' 2011) [Modern Philology: Materials of the International Conference (Ufa, April 2011)]. Ufa, *Leto Publ.*, 2011, pp. 37–44. (In Russ.)
6. Grekhnev V.A. *Lirika Pushkina. O poetike zhanrov* [Lyrics of Pushkin. On the Poetics of Genres]. Gor'kij, *Volga-Vyatka Publ.*, 1985. 239 p. (In Russ.)
 7. Kotel'nikov V.A. K.S. Aksakov mezhdu «svoim» i «chuzhim» [K.S. Aksakov Between “Native” and “Alien”]. *Russkaya literatura*. 2017, no. 1, pp. 21–46. (In Russ.)
 8. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchih mirov* [Inside Thinking Worlds]. In: Lotman Yu. *Semiosphere*. St. Petersburg, *Iskusstvo-Spb. Publ.*, 2000, pp. 250–390. (In Russ.)
 9. Merkulova I.I. *Hronotop dorogi v russkoj proze 1830–1840-h godov* [Chronotope of the Road in Russian Prose of the 1830s–1840s]. Dissertation theses. Samara, 2007. 22 p. (In Russ.)
 10. Ostrovskaya K.Z. *Koncept put'-doroga kak ekvivalent koncepta ispytanie v konceptosfere narodnoj volshebnnoj skazki* [The Concept of Path-Road as an Equivalent of the Concept of Trial in the Concept Sphere of a Folk Fairy Tale]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, *Gramota*. 2018, no. 12 (90). Part 3, pp. 579–583. (In Russ.)
 11. Rychkova E.V. *Simvolika prostranstva v dialoge mifa i literatury* [Symbolism of Space in the Dialogue of Myth and Literature]. Kurgan, *Kurgan State Univ. Publ.*, 2008. 184 p. (In Russ.)
 12. Tamarchenko N.D. *Ciklicheskiy syuzhet* [Cyclic Plot]. In: *Poetika: Slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij* [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow, *Kulagina Publ.*, 2008. P. 293. (In Russ.)
 13. Toporov V.N. *Prostranstvo* [Space]. In: *Mify narodov mira: Enciklopediya: V 2 t. T. 2* [Myths of the Peoples of the World: An Encyclopedia: In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, *Ostankino Publ.*, 1992, pp. 340–342. (In Russ.)
 14. Toporov V.N. *Prostranstvo i tekst* [Space and Text]. In: *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and Structure]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1983, pp. 227–284. (In Russ.)
 15. Shchepanskaya T.B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [The Culture of the Road in the Russian Mythological and Ritual Tradition of the 19th–20th Centuries]. Moscow, *Indrik Publ.*, 2003. 528 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.04.2023

Принята к публикации 01.06.2024

Отредактирована 07.08.2024

Received 28.04.2023

Accepted 01.06.2024

Revised 07.08.2024

ОБ АВТОРЕ

Кузьмина Марина Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиа-технологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, доцент кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; mdkuzmina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina Kuzmina — PhD, Associate Professor, Book Publishing and Book Trade Department, The Higher School of Press and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Associate Professor, Russian Literature Department, Herzen Russian State Pedagogical University; mdkuzmina@mail.ru